

Объ административно-воспитательномъ строе въ духовныхъ семинаріяхъ.

(Замѣтка).

Въ послѣдніе годы такъ много было написано по вопросу о преобразованіи нашихъ духовныхъ семинарій, что новаго, существеннаго чего нибудь сказать въ этой области, повидимому, не возможно. Скорѣе рискуешь повторить уже сказанное другими. Однакоже, рѣшаюсь рискнуть: подѣлиться съ читателями кое-чѣмъ изъ непосредственныхъ своихъ впечатлѣній отъ семинарскаго быта и кстати высказать нѣкоторыя пожеланія и предположенія относительно неотложныхъ радикальныхъ преобразованій самой важной стороны этого быта—воспитательной.

Мнѣ всегда казалось, а теперь я убѣжденъ, что произведенная въ 1888 году реформа нашихъ семинарій не только не дала ничего хорошаго для дѣла воспитанія будущихъ пастырей, а напротивъ еще болѣе закрѣпила худшія его стороны. Строго говоря, это и не была реформа, а лишь какой-то анахроническій экспериментъ совсѣмъ неудачнаго и ненужнаго лѣченія мнимо-больного старыми, уже давно заброшенными палліативами: результатъ мнительности, духовной свѣтобоязни ревнителей старины. Потому-то и вышло нѣчто убогое, несуразное, а въ концѣ концовъ болѣзненный буйный катастрофы, отъ которыхъ далеко не застрахованы наши семинаріи и теперь.

Не видѣть ненормальной наличности воспитательнаго дѣла въ нашихъ семинаріяхъ можетъ только слѣпой. И меня крайне удивляетъ, что есть еще охотники (въ петербург-

скихъ верхахъ) защищать нашъ вообще никуда негодный семинарскій строй отъ чьихъ-то, якобы несправедливыхъ нападковъ.

Прежде всего мнѣ представляется ненормальнымъ въ нашихъ семинаріяхъ *дуализмъ* власти, въ силу котораго въ нихъ существуютъ два начальника: ректоръ и инспекторъ. По-неволѣ припоминается пословица: „два медвѣдя въ одной берлогѣ“. По идеѣ, конечно, ректору принадлежитъ главенство: съ него все спрашивается, онъ все долженъ въ своей семинаріи знать, всѣмъ руководить, всему давать тонъ и направленіе. Но и опредѣленіе взаимныхъ отношеній двухъ семинарскихъ начальниковъ Уставомъ, и конкретная постановка ихъ должностныхъ функций носятъ несомнѣнный отпечатокъ дуализма.

Въ дѣлѣ воспитанія будущихъ пастырей Церкви, конечно, ректоръ долженъ быть воистинну „отецъ, о чадѣхъ своихъ веселящійся“. Ему должны быть извѣстны питомцы—всѣ до одного, не съ одной только казовой стороны. За всѣхъ и каждаго изъ нихъ ректоръ, прежде всѣхъ и по-преимуществу, отвѣчаетъ какъ предъ высшимъ начальствомъ, такъ и предъ всѣмъ обществомъ,—и не только предъ людьми, но—что всего выше—и предъ Богомъ. Онъ, какъ самъ—священникъ, по совѣсти своей, обязуется стоять возможно ближе къ совѣсти своихъ воспитанниковъ и воспитывать въ нихъ качества, необходимыя для каждаго кандидата священника. И не ему ужъ, само собою разумѣется, быть только формальнымъ оцѣнщикомъ своихъ питомцевъ, вѣранныхъ ему Богомъ.

А между тѣмъ, имѣеть-ли возможность ректоръ современной семинаріи познать своихъ воспитанниковъ по-настоящему, какъ отецъ знаетъ своихъ дѣтей? По моему мнѣнію, не имѣеть возможности.—Ректоръ въ нашихъ семинаріяхъ поставленъ вообще слишкомъ высоко *надъ* семинаріей. Вчастности, съ воспитательнымъ дѣломъ не связанъ органически. При множествѣ отдѣльныхъ отраслей управленія, къ самой-то важной изъ нихъ, т.-е. къ дѣлу воспитанія, онъ именно и не поставленъ такъ близко, какъ этого требуетъ существо дѣла и его пастырское званіе... Воспитательное дѣло въ семинаріяхъ вѣдаетъ всецѣло инспекторъ съ своими помощниками и надзирателями. Еслибы ректоръ, чув-

ствующій, какъ должно, свое призваніе быть дѣйствительнымъ пастыремъ, а не наемникомъ, и желающій присмотрѣться къ дѣлу воспитанія насколько возможно внимательнѣе, захотѣлъ приблизиться къ семинаристамъ, бывать чаще въ ихъ средѣ, какъ на урокахъ, такъ и—особенно—въ уроковъ и приглашать къ себѣ, въ свой кабинетъ для интимныхъ, отеческихъ бесѣдъ,—онъ всегда рискуетъ встрѣтиться съ авторитетомъ инспектора и вмѣшаться въ область, оффиціально отмежеванную инспектору. Инспекторъ всегда силенъ въ семинаріи буквой, статьей Устава, циркуляровъ, пунктовъ инструкцій и т. д. Онъ—формалистъ, по существу своего положенія, и всегда помнить, что въ исполненіи формы—вся сила его положенія, весь его *raison d'être*. Чѣмъ лучше знаетъ свое дѣло инспекторъ, чѣмъ опытнѣе онъ въ своихъ инспекторскихъ функціяхъ, тѣмъ труднѣе и даже опаснѣе ректору—отцу проникнуть чрезъ средостѣніе инспекторской формы къ душѣ семинаристовъ. А дѣйствительность послѣднихъ двухъ десятковъ лѣтъ создала почти вездѣ, въ семинаріяхъ, такія условія, что инспекторъ—старожилъ, а ректоръ—временный гость. Естественно, старожилу и быть хозяиномъ, а никакъ не гостю. Если инспекторъ не тряпка и не бездѣльникъ, у него въ рукахъ всѣ шансы къ тому, чтобы пріѣзжаго гостя поставить въ почтительное разстояніе отъ самого дѣла: ему дается и почетъ, и уваженіе и все, что касается этикета и жизненныхъ, напр. квартирныхъ, удобствъ,—только не открывается завѣса въ глубины инспекторскаго хозяйствованія. И въ Уставѣ, и особенно въ циркулярахъ, всячески оберегается авторитетъ инспектора,—конечно, ради вящаго вліянія его на воспитанниковъ,—и инспекторъ не можетъ не сознавать своего начальственнаго (и по нашему мнѣнію—сверхдолжнаго) положенія въ семинаріи: поэтому и старается по-возможности использовать его для своихъ интересовъ какъ должностныхъ, насколько онъ ихъ понимаетъ, такъ и личныхъ, въ узкомъ смыслѣ этого слова.—Разъ самъ Уставъ и всякіе циркуляры свыше усвоятъ инспектору громаднѣйшій авторитетъ въ воспитательномъ дѣлѣ, кто же можетъ и быть ближе къ воспитанникамъ, какъ не онъ? И что за инспекторъ, если онъ допуститъ, чтобы кто нибудь изъ сослуживцевъ (не исключая и ректора), помимо его, могъ приблизиться къ воспитанникамъ и короче позна-

комиться съ ними? Вполнѣ естественно ему желать, чтобы всѣ и все въ семинаріи смотрѣло на семинаристовъ *его* глазами, по *его* мѣркѣ.

Мыѣ известно, на примѣрѣ нѣсколькихъ семинарій, каковы результаты такого ненормальнаго строя,—тамъ именно, гдѣ инспекторъ-старожилъ ревниво охраняетъ свой авторитетъ, свою инспекторскую область и, главнымъ образомъ, отъ ректора, какъ болѣе всѣхъ опаснаго по власти конкурента. Дѣятельному ректору нужны годы, чтобы только пройти чрезъ всѣ инспекторскія загражденія благополучно, и очень дорого ему стоитъ обыкновенно всякая попытка провести свое воспитательное воздѣйствіе въ среду семинаристовъ. Проще и безопаснѣе для ректора, конечно, смотрѣть на все въ семинаріи чрезъ посредство инспектора, т. е. быть не тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, сдѣлаться, въ концѣ концовъ, только послушнымъ органомъ инспекторскихъ усмотрѣній. Вотъ почему въ рѣдкой семинаріи между ректоромъ и инспекторомъ нѣтъ борьбы, до поры-до времени негласной: каждый старается потоньше обойти своего соперника по власти, чтобы такъ или иначе—одному не допустить, а другому пройти къ уму и сердцу семинаристовъ. Понятно, какъ много вреда заключается въ такихъ взаимоотношеніяхъ начальствующихъ лицъ въ семинаріи. Иногда—и нерѣдко—борьба изъ тайной переходитъ въ явную. Какая изъ нихъ болѣе опасна для дѣла воспитанія, сказать трудно. Несомнѣнно, и та и другая нежелательны, болѣе—нетерпимы, не должны имѣть мѣста.

Инспекція въ нашихъ семинаріяхъ по своей постановкѣ совершенно не соответствуетъ своему назначенію. Въ общемъ она носитъ характеръ полицейски-бюрократическій и съ элементомъ инквизиціи. Нравственнаго, воспитывающаго, облагораживающаго ничего нѣтъ въ инспекторской системѣ воспитанія въ нашихъ семинаріяхъ. Даже религіозная сторона быта семинаристовъ обставлена такимъ грубымъ формализмомъ, который меньше всего содѣйствуетъ развитію искренней религіозности въ семинариствѣ,—чаще всего, наоборотъ, подавляетъ и тѣ задатки религіозности, которые выносятся воспитанниками изъ домовъ родительскихъ. Всѣ отправленія религіозной жизни семинариста подчинены формѣ: всегда по звонку, въ сопровожденіи инспектора и его помощниковъ,

всегда подъ ихъ бдительнымъ надзоромъ,—самые поклоны во время богослуженія по извѣстному параграфу инструкціи. Кто прошелъ семинарскую школу, тотъ хорошо помнитъ и знаетъ, что такое всѣ эти семинарскія молитвы—утреннія и вечернія, что такое, наконецъ, всѣ семинарскія богослуженія. Прямо коробить, когда вдумаешься въ эту бездушную, бессмысленную машину семинарской церковности. Кошунства—сколько хотите, души же—нѣтъ. Къ этому надобно прибавить тѣсноту и духоту семинарскихъ церквей, продолжительность богослуженій (до 3-хъ часовъ включительно), обычный—дьяческій способъ чтенія псалмовъ и каноновъ: откуда же ждать религіознаго настроенія, молитвеннаго духа? Религіозное чувство по природѣ таково, что всѣ условія семинарской церковной дисциплины направлены какъ разъ не на созиданіе „внутренняго человѣка“ въ семинариствѣ, будущемъ пастырѣ, а на разрушеніе.—Инспектору нужно исполненіе дисциплины: чтобы всѣ были на-лицо, стояли смирно, кланялись въ опредѣленные моменты и т. п. Какое ему дѣло до души воспитанника? Душа-то ему именно и не нужна. Его вѣчно пугаетъ мысль о томъ, что „чужая душа потѣмки“ и чѣмъ въ ней больше простора, тѣмъ болѣе она способна къ нарушенію дисциплины, къ бунту. Такъ ужъ лучше придавить ее формой. И нѣтъ ему дѣла до индивидуальности: пусть всѣ нивеллируются по данному шаблону.

Мнѣ приходилось не разъ бесѣдовать съ однимъ очень „опытнымъ“ инспекторомъ семинаріи. Когда я указывалъ ему разныя психологическія и моральныя несообразности въ обще-инспекціонной системѣ, онъ отвѣчалъ мнѣ знаменательными доводами: „пусть такъ, пусть мои воспитанники недостаточно (!) свободны въ своей индивидуальности,—вѣдь это имъ же лучше, безопаснѣе: посмотрите-ка, какая у меня во всемъ стройность и исполнительность,—чего же вамъ еще? Что изъ того, что это будущіе пастыри,—вѣдь и пастыри должны быть прежде всего дисциплинированы въ отношеніи къ своимъ начальникамъ, и паству свою должны также дисциплинировать“. — Вотъ они наши семинарскіе *инквизиторы!* Чего же вы отъ нихъ ждете? Съ своей точки зрѣнія они правы. При современномъ строеъ нашихъ іерархическихъ отношеній, можетъ быть, лучшей системы воспитанія и не нужно. Несомнѣнно—„безопаснѣе“!

Если система религіознаго воспитанія въ нашихъ семинаріяхъ въ корнѣ своемъ никуда не годится, то и вообще воспитаніе, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, не можетъ быть одобрено ни съ какой стороны. Вѣдь все та же шаблонность, бездушная форма. На видъ—строгость, неподкупность, на самомъ же дѣлѣ одна пошлая рутинка, при которой хорошо уживаются и волки, и овцы. Вѣдь и къ тюремному режиму узники умѣютъ приспособляться и такъ или иначе обезпечивать себѣ всякія низменныя удовольствія. Такъ и въ нашихъ семинаріяхъ, благодаря формальной постановкѣ воспитательнаго дѣла, семинаристы умѣютъ до тонкости изучить систему инспекторскаго надзора. Да и инспекторъ, какъ бы онъ ни былъ строгъ, все же человѣкъ, нуждающійся и въ отдыхѣ, и въ свѣжемъ воздухѣ и т. д., имѣющій тѣ или другія привычки, излюбленныя формы обращенія, извѣстные вкусы, взгляды, точки зрѣнія и оцѣнки и проч. Чѣмъ почтеннѣе онъ по своимъ лѣтамъ, тѣмъ, конечно, онъ опредѣленнѣе, тѣмъ болѣе преданъ своей системѣ. Должны-же воспитанники присмотрѣться къ своему ближайшему начальнику, изучить его во всѣхъ подробностяхъ—и съ внѣшней и съ внутренней стороны. Семинаристамъ нельзя отказать въ психологической и фізіогномической наблюдательности. Данныя наблюденія всегда передаются отъ однихъ другимъ, отъ старшихъ младшимъ, иногда—отъ отцевъ дѣтямъ. И вотъ въ результатѣ такихъ наблюденій создается такая система взаимоотношеній инспектора и семинаристовъ, при которой эти послѣдніе всегда умѣютъ провести своихъ воспитателей и использовать извѣстные часы извѣстныхъ дней для недозволенныхъ грубыхъ развлеченій. Воспитанники привыкаютъ уже къ тому, что попасться инспекціи легко въ такіе-то и такіе-то часы дня или ночи, а въ другіе часы никто „не накроетъ“ и „не уловитъ“. Разъ попался товарищъ въ такіе часы, когда нельзя не попасться, онъ долженъ понести то или иное наказаніе,—съ этимъ согласны всѣ и никто возражать не будетъ.

„Лишь бы не попался“, а тамъ какъ кому угодно: вотъ лозунгъ семинарской инспекціи. Дальше „накрыванія“ и „уловленія“ лица инспекторскаго надзора обыкновенно не простираются. Предупредительныхъ мѣръ семинарская инспекція не признаетъ. Это ей и не по силамъ, и не по досугу. Воспи-

таніе по системѣ предупрежденій требуетъ любви къ питомцамъ, отеческаго покровительства. А инспектора нашихъ семинарій помѣшаны на формализмъ и скорѣе склонны искоренять всячески мнимую испорченность и даже воображаемую наслѣдственность, чѣмъ отыскивать и вызывать къ жизни лучшіе задатки въ душахъ питомцевъ. Я знаю двухъ инспекторовъ, съ которыми приходилось служить: они не терпѣли уже нѣкоторыхъ изъ только что поступившихъ въ семинарію за то что, они имѣли ту или иную фамилію: „А! N—въ? Должно быть такой-же негодяй, какъ и N—въ, исключенный въ такомъ-то году“... И такое предубѣжденіе иногда сказывалось весьма больно на несчастныхъ носителяхъ ненавистной инспектору фамиліи. Вообще говоря, семинаристы для своего инспектора являются въ большинствѣ случаевъ предметомъ злобы и вражды, какъ лица, препятствующія ихъ личному спокойствію. Днемъ съ огнемъ надобно поискать по Россіи такихъ инспекторовъ, которые любили бы своихъ питомцевъ. Инспекція и любовь—это несогласуемыя силы. Такъ форма убиваетъ лучшія чувства въ человѣкѣ. А затѣмъ справедливость требуетъ сказать, что и времени у инспектора, съ его однимъ или двумя помощниками, не хватаетъ для того, чтобы воспитывать какъ должно, по-христіански, 300—400 учениковъ. На инспектора семинаріи взвалена прямо-таки непосильная ноша по должности. Куда ни взгляни, вездѣ инспекторъ, все онъ вѣдаетъ: и по воспитанію, и по ученію, и по хозяйству,—онъ и во время уроковъ, и внѣ уроковъ, и въ корпусѣ, и въ церкви и въ инспекторскомъ кабинетѣ, и на улицѣ, и въ спальняхъ, и въ кухнѣ, и въ столовой, и въ больницѣ,—всѣ отрасли семинарскаго быта требуютъ его вниманія и распоряженій. Не справедливо, поэтому, и винить только инспекторовъ нашихъ семинарій въ томъ, что они превращаются въ холодныхъ, бездушныхъ формалистовъ, губящихъ живыя души питомцевъ. Виновать,—повторяю,—самый строй нашихъ семинарій. Надо же какъ нибудь обезопасить себя отъ отвѣтственности,—вотъ и придумывается такая система, при которой все „шито—крыто“, на видъ какъ нельзя лучше, а внутри, можетъ быть, какъ нельзя хуже. Но до внутренняго-то и ревизоръ не доберется, а внѣшнее-то сразу бросается въ глаза, и разъ оно стройно, честь и слава инспектору.

Вотъ почему такъ ревниво и оберегаютъ инспекторы *свою* систему отъ всякаго вмѣшательства. Малѣйшая попытка съ чьей-либо стороны нарушить систему уже влечетъ за собою поводъ къ серьезному столкновению. „Идетъ все въ порядкѣ; въ семинаріи спокойно; чего же еще надо? Какія тамъ новшества задумалъ ректоръ? На что ужъ лучше стараго, испытаннаго пути“... Попробуй ректоръ ввести что нибудь новое въ семинарскую жизнь, инспекторъ, пожалуй, на первое время и не будетъ противорѣчить, но не пройдетъ двухъ-трехъ дней, какъ явится къ ректору и скажетъ: „вотъ видите, о. ректоръ, какъ опасно нарушать установившіеся порядки,—воспитанники уже волнуются“. Достаточно инспектору произнести слово: „волнуются“,—это такое магическое слово, предъ которымъ рѣдкій ректоръ устоитъ. Волненія же среди воспитанниковъ, при укоренившейся рутинѣ, возможны по самымъ ничтожнымъ причинамъ, разъ такъ или иначе нарушается обычный порядокъ жизни. Воспитанники сразу никогда не могутъ понять пользы для себя отъ того или иного нововведенія. Все новое имъ прежде всего представляется посягательствомъ на привычныя формы, дающія возможность злоупотреблять ими. Въ этомъ отношеніи между „бурсой“ и ея инспекторомъ устанавливается трогательное, хотя и въ глубокой степени деморализующее, согласіе. Рутинѣ—вотъ почва для этого согласія.

Семинарская рутинѣ утвердила десятками лѣтъ такое школьное міровоззрѣніе, по которому инспекторъ есть по существу своему Ариманъ, а ректоръ Ормуздъ. Перваго воспитанники отлично знаютъ и умѣютъ приспособляться къ его рутинѣ, хотя она сама по себѣ дышетъ злобой и местию. А второго они и узнать никогда, какъ слѣдуетъ, не могутъ, но à priori трактуетъ его не иначе, какъ присяжнаго защитника ихъ интересовъ, какъ добраго генія, обязаннаго только оправдывать ихъ во всемъ и защищать отъ нападеній инспектора. За ректоромъ признаются только права на милость и прощеніе. А еслибы онъ проявилъ желаніе быть строгимъ и справедливымъ, то въ этомъ увидятъ уже измѣну рутинному міровоззрѣнію и истолкуютъ въ неблагопріятномъ смыслѣ. Все „инспекторское“ семинаристы считаютъ не своимъ, не приличнымъ для ректора, и въ чемъ про-

щаютъ инспектору, по части даже крутыхъ мѣръ и взыска-
ній, того не простятъ никогда ректору.

Въ результатъ такого строя и семинарскіе ормузды со-
всѣмъ не отвѣчаютъ идейнымъ требованіямъ своей должно-
сти. Ректора семинарій въ громадномъ большинствѣ вышніе
люди для своего учебнаго заведенія. Не желая входить
въ столкновенія съ инспекторомъ, избѣгая того, что можетъ
разстроить мирныя отношенія, они ставятъ себя въ положе-
ніе начальника, и никакъ не воспитателя и отца. Одинъ изъ
преподавателей семинаріи рассказывалъ мнѣ про своего рек-
тора, какъ онъ „умѣлъ утвердить свой авторитетъ“ въ се-
минаріи: „бывало, изрѣдка покажется ректоръ въ корридорѣ
между классами,—высокаго роста, въ камилавкѣ, съ гроз-
нымъ взглядомъ, съ тростью въ рукѣ, съ крестами на груди:
ученики прямо трепещутъ и боятся выглянуть изъ своихъ
классовъ, а пройти мимо отца ректора могли только самые
смѣлые семинаристы, иногда—на пари; преподаватели счи-
тали для себя долгомъ раскланяться съ своимъ начальни-
комъ и быстро исчезали съ журналами подъ мышкой въ
свои классы“. Такому начальнику только и нужно, чтобы
всѣ ходили по стрункѣ, и никто не смѣлъ своего сужденія
имѣть; что требуется, все сдѣлаетъ инспекторъ, — ему „и
книги въ руки“; а инспекторъ знаетъ, о чемъ надобно до-
нести ректору, о чемъ замолчать,—нельзя же изъ-за какой
нибудь мелочи „безпокоить отца ректора“. Такіе ректора
вполнѣ раздѣляютъ формальную рутину инспекціи и сами
всячески поддерживаютъ ее, — „чтобы не вывести семинаріи
изъ равновѣсія“. Со стороны формальной, канцелярской,
отчетной у такихъ помпадуровъ „все обстоитъ благополуч-
но. Ревизоръ всегда въ восторгѣ „отъ порядка и аккурат-
ности“ семинарскаго начальства. Завѣдующій общежитіемъ
преподаватель, по приказу одного такого ректора, отпускалъ
своихъ воспитанниковъ въ семинарскую церковь не иначе,
какъ по квитанціямъ и требовалъ отъ инспектора росписки
въ полученіи такихъ квитанцій. Спальныя комнаты съ 10
часовъ вечера запирались на замокъ до 5—6 утра.—Пьян-
ство и картежничество среди семинаристовъ процвѣтали
при такомъ режимѣ „во-всю“. Не говоримъ о худшихъ
„тайныхъ“ порокахъ. А былъ и явный случай паденія семи-
нариста съ высоты третьяго этажа, когда онъ спускался

обычнымъ путемъ по водосточной трубѣ для ночной экскурси.

Есть ректора семинарій другого типа, чисто іезуитскаго: хочется все знать, а пойти прямымъ путемъ къ этой цѣли нѣтъ ни смѣлости, ни умѣнья,—и вотъ разводится шпионство въ семинаріи; ректорскіе „любимцы“ по временамъ заходятъ къ о. ректору пить чай и здѣсь рассказываютъ ему все, что вздумается, и про инспектора и про преподавателей, и про товарищей. Семинарія совершенно развращается такою системою: ректоръ дѣлается ненавистнымъ для всѣхъ и его положеніе становится невыносимымъ.—Есть и третій типъ ректора семинаріи. Это—начальникъ, ничего въ семинаріи не знающій и не желающій знать. Онъ только представляетъ за семинарію предъ архіереемъ, губернаторомъ и проч., постоянно участвуетъ въ архіерейской службѣ, ѣздитъ по старостамъ и богачамъ, кушаетъ сытные пироги, заливныхъ осетровъ и т. п. Существуетъ ли онъ въ семинаріи, нѣтъ-ли, — все равно: никакого осязательнаго слѣда для семинаріи отъ его пребыванія въ ректорской квартирѣ не оказывается. Когда къ нему обращаются просители, напр. родители учащихся, то, или не-всегда удостоиваются приема, или получаютъ лаконическіе отвѣты: „хорошо, скажу инспектору“; „отлично, распорядусь чрезъ секретаря“; „прикажу эконому“. А тамъ, дальше, сдѣлается-ли что навстрѣчу просьбѣ, или нѣтъ, до этого ректоръ уже не доходитъ.

Рѣже встрѣчается типъ ректоровъ, болѣющихъ душой о ненормальности положенія вещей въ семинаріи, о формализмѣ и лицемеріи, дарящихъ въ области воспитанія, но такимъ не приходится жить подолгу въ семинаріи. Мнѣ извѣстенъ одинъ симпатичный ректоръ-архимандритъ, дышавшій ревностью о вѣрѣ и благочестіи своихъ питомцевъ. Самъ онъ былъ образецъ воздержника и молитвенника, безукоризненно чистый и искренній. При всѣхъ желаніяхъ быть полезнымъ для дѣла воспитанія, чрезъ три года своей дѣятельности долженъ сознаться, что ничего существеннаго въ измѣненіи воспитательнаго строя въ семинаріи сдѣлать не могъ. Доселѣ у меня хранятся письма этого рѣдкостнаго въ наше время инока - ректора: въ нихъ онъ жалуется на противодѣйствія инспектора своей пастырской дѣятельности въ средѣ семинаристовъ, на хожденіе инспектора съ клевет-

ническими жалобами „во дворъ архіереовъ“. „Скорблю, плачу предъ Богомъ“, писалъ отецъ ректоръ (преждевременно умершій), „что, несмотря на горячія намѣренія послужить любовію о Христѣ меньшимъ братіямъ—воспитанникамъ, не могу ничего хорошаго сдѣлать. Идеалы мои терпятъ крушеніе. Всюду—разочарованія. Борются не въ силахъ, ибо и владыка желаетъ *только* мира, часто говоритъ: „худой миръ лучше доброй ссоры“. Что вы сдѣлаете съ такимъ оппортунизмомъ? Жалко будущихъ пастырей! Жалко за дѣло Божіе“!..

Тотъ же пресловутый дуализмъ власти въ нашихъ семинаріяхъ дѣлаетъ невозможными правильныя отношенія преподавателей къ ректору и инспектору. Рѣдкая семинарія въ наше время не имѣла партійности. Въ большей части семинаріи существуютъ партіи: ректорская и инспекторская. Преподавателямъ приходится несравненно чаще считаться съ авторитетомъ инспектора, чѣмъ съ авторитетомъ ректора. Они постоянно встрѣчаются съ нимъ въ классное время. Инспекторъ слѣдитъ за аккуратностью посѣщенія уроковъ преподавателями. Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ есть даже особая книга, куда инспекторъ вноситъ всѣ просроченныя преподавателями минуты, а затѣмъ складываетъ ихъ по истеченіи мѣсяца и превращаетъ въ часы. Инспекторъ имѣетъ право входить въ преподавательскую комнату и напоминать преподавателямъ о томъ, что пора идти въ классъ. Когда ему захочется поскорѣе выйти изъ корпуса и пройтись по свѣжему воздуху, онъ прибавитъ при этомъ какую нибудь угрозу: „пора, господа! ученики очень возбуждены“ и т. п. Инспекторскій неподобающій авторитетъ вездѣ возмущаетъ преподавателей, и едвали есть такія семинаріи, гдѣ инспекторская система пользовалась бы сочувствіемъ корпораціи. Только шкурныя соображенія заставляютъ болѣе робкихъ преподавателей становиться на сторону инспекторской рутины. Наилучшіе преподаватели или держатся вдали отъ всего, или же стараются поддерживать ректора, хотя бы только изъ противодѣйствія инспекторскому инквизиціонному режиму.

Инспекторское дѣло въ нашихъ семинаріяхъ представляетъ какую-то таинственную каморру, куда ничей взоръ не можетъ проникнуть. Инспекторъ обмѣнивается своими мыслями

и планами только съ своими помощниками и, притомъ, только съ тѣми, коимъ особенно довѣряетъ. По временамъ инспекторъ созываетъ въ своемъ инспекторскомъ кабинетѣ всѣхъ своихъ товарищей по оружію, обсуждаетъ съ ними поступки воспитанниковъ и оцѣниваетъ ихъ поведеніе баллами. И на эти тайныя засѣданія никто изъ преподавателей, ни самъ ректоръ не посмѣетъ придти: это—„постороннія лица“, по мнѣнію инспектора. Кабинетъ инспектора, помѣщающійся среди классныхъ комнатъ—самое запретное мѣсто во всемъ семинарскомъ зданіи. Здѣсь совершается слѣдствіе и судъ. Здѣсь хранятся документы, вещественныя доказательства преступленій и проч. На эту комнату обычно дѣлаются ночныя вылазки семинаристовъ: подбираются ключи, отмычки, выламываются филенки у дверей и дѣлаются похищенія. Нѣкоторые инспекторы, наученные горькимъ опытомъ, ставятъ у своихъ кабинетовъ ночную стражу. Для ректора и преподавателей эта комната недоступна. Особенно ректоръ въ этой комнатѣ не желанный гость. Надобно при этомъ замѣтить, что ректору, главному начальнику заведенія, обыкновенно не отводится особеннаго специально-ректорскаго кабинета. Его арена—корридоръ, гдѣ онъ можетъ пройти, показаться, затѣмъ зайти въ преподавательскую комнату на нѣсколько минутъ, посѣтить урокъ изрѣдка *pro forma*,—и только. Самыя стѣны семинарскаго зданія, такъ сказать, больше приурочены къ операціямъ Аримана, чѣмъ — Ормузда.

Самое существо дѣла требуетъ, чтобы между ректоромъ и преподавателями, съ одной стороны, между ректоромъ и семинаристами, съ другой, не было никакого средостѣнія. А теперь это средостѣніе очень живо чувствуется въ лицѣ инспектора. Преподаватели совершенно устранены отъ воспитательнаго дѣла. Каждый изъ нихъ всегда готовъ сказать: „моя изба съ краю, я ничего не знаю“. Преподаватели отдѣлены и отъ ректора, такъ какъ инспектору не желательны близкія ихъ отношенія между собою. Семинаристы прямо боятся стать поближе къ ректору, хотя иногда и чувствуютъ въ этомъ потребность. „А что подумаетъ инспекторъ? зачѣмъ—дескать вы беспокоите о. ректора“? Семинаристъ отлично понимаетъ, что вся судьба его въ рукахъ инспектора. Поэтому недовѣріе воспитанниковъ семинаріи къ ректорамъ

и преподавателямъ почти общее явленіе. Въ отношеніяхъ же къ инспекторамъ у нихъ замѣчается фальшивое смиреніе, лицемѣріе и лицедѣйство. Эти качества въ послѣдствіи переносятся на отношенія пастырей къ архипаству, къ благочинному, къ братьямъ сослуживцамъ.

Какія же измѣненія въ административно-воспитательномъ строѣ нашихъ семинарій могли бы привести къ улучшенію воспитанія? По нашему мнѣнію, прежде всего надобно упразднить должность инспектора, какъ такую. Мнѣ думается, что эта инквизиторская должность въ настоящее время представляетъ собою печальный пережитокъ прошедшихъ временъ, наслѣдіе ветхозавѣтнаго строя всей нашей жизни. Въмѣсто инспекторской должности слѣдуетъ учредить должность проректора, или помощника ректора. Въ духовныхъ училищахъ еще въ 1867 году была произведена такая замѣна и — можно смѣло сказать — отъ этого не произошло никакой опасности для отечества. Тоже нужно сдѣлать и въ семинаріяхъ. Самое слово „инспекція“ надобно изъять изъ употребленія, — съ нимъ соединяется такъ много мрачныхъ воспоминаній. Дуализмъ власти въ семинаріяхъ долженъ исчезнуть. Власть должна быть одна — ректоръ. И пусть это будетъ добрый гений, отецъ, пастырь. И пусть не будетъ для него никакихъ загражденій на пути его пастырскихъ стремленій къ сближенію какъ съ воспитанниками, такъ и съ преподавателями. Пусть онъ воистину даетъ тонъ и направленіе воспитательному дѣлу. Но, конечно, для этого ректоромъ должно быть лицо особыхъ дарованій, избранное правленіемъ семинаріи изъ числа извѣстнѣйшихъ пастырей или опытнѣйшихъ преподавателей академіи или семинаріи или смотрителей училища, — такое лицо, авторитетъ котораго былъ бы дѣйствительно признанъ будущими его подчиненными. Нынѣшніе ректора для семинарій являются обыкновенно неожиданно, случайно. Нерѣдко это молодые люди, не имѣющіе ни ученыхъ заслугъ, ни жизненнаго опыта, ни нравственной устойчивости. Пусть ректорская служба не будетъ больше короткимъ этапомъ ученыхъ иноковъ по дорогѣ къ архіерейству. Преподаватели семинарій почти всюду имѣютъ въ своей средѣ очень даровитыхъ и очень разви-

тыхъ лицъ. Ректоромъ въ такой корпораціи не можетъ быть человекъ безъ всякихъ заслугъ и внутреннихъ достоинствъ. Никакъ недостаточно для авторитетности имѣть только рясу съ камилавкой или клобукомъ. По нынѣшнимъ временамъ, ректору нужно быть убѣжденнымъ носителемъ евангельскаго духа, свѣтильникомъ горящимъ и свѣтящимъ и согрѣвающимъ теплотою своей отеческой любви какъ учащихся, такъ и учащихъ. Внѣшними помпадурскими отличіями въ наше время нельзя создать авторитета. Авторитетъ долженъ быть не подавляющій и угрожающій, а ласкающій и манящій къ себѣ невольно. Пусть ректоръ будетъ душою семинаріи, ея умомъ и сердцемъ, и выразителемъ наилучшихъ вождельнѣй своихъ товарищей по учебно-воспитательной службѣ. Долой формализмъ! Долой инквизиціонную рутину! Духа, свѣта, огня нужно!

Никто другой, какъ ректоръ, и долженъ сосредоточивать въ своихъ рукахъ воспитательное дѣло въ семинаріи. Непосредственными сотрудниками его должны быть преподаватели, изъ числа которыхъ избираются правленіемъ классныя наставники, обязанные вѣдать ту часть, каждый въ своемъ классѣ, какую вѣдаетъ теперь инспекторъ. Единство дѣйствій должно опредѣляться на общихъ совѣтахъ вмѣстѣ съ ректоромъ и проректоромъ. Преподаватели, не состоящіе классными наставниками, могутъ помогать класснымъ наставникамъ по общему надзору за воспитанниками,—кто за живущими въ общежитіи, кто за живущими на квартирахъ, кто завѣдуетъ вечерами, концертами, кто библиотекой, читальней, больницей, кухней, столовой. Дѣла всѣмъ найдется. И всѣхъ дѣло заинтересуетъ. Всѣ будутъ чувствовать себя живыми органами ученія и воспитанія, а не звонарями, по пословицѣ: „отзвонилъ—и съ колокольні долой!“ Никто семинарскаго дѣла не будетъ считать для себя чужимъ. Семинарское дѣло будетъ дѣломъ *всѣхъ*.

Проректоръ, или помощникъ ректора, долженъ быть тѣмъ, что называется въ епархіальныхъ женскихъ училищахъ *инспекторомъ классовъ*. Тутъ дѣла будетъ не мало. Начальственный характеръ должности пропадетъ. Проректоръ будетъ не начальствовать, а служить какъ преподавателямъ, такъ и воспитанникамъ въ общемъ дѣлѣ ученія и образованія. Должность эта тоже выборная и на извѣстный срокъ—на два

три года. Выборщиками могутъ быть классные наставники. Изъ своей среды выбираютъ они проректора и въ свою же среду потомъ опять принимаютъ его по окончаніи имъ срока службы, а на мѣсто его выбираютъ другого.

Нельзя, конечно, назватъ образцовымъ порядокъ управленіе дѣломъ обученія и воспитанія въ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ и кадетскихъ корпусахъ. Но стройности и единства въ системѣ управленія тамъ во всякомъ случаѣ гораздо больше чѣмъ въ духовныхъ семинаріяхъ. Тамъ директоръ—дѣйствительно единый представитель заведенія,—конкурирующей съ нимъ въ томъ же заведеніи власти нѣтъ. Много тамъ формализма, внѣшней команды и казовой выправки, мало элемента нравственнаго: буква циркуляровъ и тамъ убиваетъ животворящій духъ. Желательно ввести единство въ систему управленія въ нашихъ семинаріяхъ,—пусть начальникъ въ нихъ будетъ одинъ, но пусть онъ не будетъ командиръ, носящій въ карманѣ циркуляры высшей инстанціи и тычащій ими въ глаза своимъ подчиненнымъ, пусть онъ будетъ отецъ и пастырь. Пусть онъ будетъ выразителемъ и представителемъ общаго всѣмъ и одинаково дорогаго дѣла.

Для того чтобы ректоръ семинаріи былъ живымъ и самостоятельнымъ представителемъ вѣреннаго ему учебно-воспитательнаго дѣла въ семинаріи, необходимо поставить его въ болѣе корректныя отношенія къ архіерею, а правильнѣе сказать—архіерея надобно поставить въ болѣе корректныя отношенія къ семинаріи и учебно-воспитательной корпораціи. Однимъ почеркомъ пера архіерей можетъ уничтожить всякое начинаніе правленія семинаріи. Можно-ли удивляться, почему въ семинаріяхъ убита всякая инициатива, все живое; почему и ректоръ и всѣ его сотрудники въ большинствѣ люди безпринципные, люди футляра. А какъ — кстати сказать—шаблонны жалки, всѣ такіе называемые „журналы засѣданій правленія семинарій“! Они состоятъ изъ массы „справокъ“ и мотивирующихъ посылокъ, при самыхъ ничтожныхъ и пустыхъ постановленіяхъ. Однакоже всѣ эти справки и мотивировки не пугаютъ и не убѣждаютъ самовластныхъ владыкъ. Нѣчто въ высшей степени печальное и возмущающее живую душу!

Архіерею принадлежитъ надзоръ за общимъ направленіемъ

религіозно-нравственной жизни въ епархіи. Къ чему же тутъ семинарскіе протяженно-сложенные журналы о сдачѣ поставки дровъ на отопленіе семинаріи, о приобрѣтеніи соленой рыбы на рождественскій постъ или о замѣнѣ первобытнаго способа ассенизаціи на рациональный и т. д.? Хозяйству это нисколько не помогаетъ. Напротивъ даже, не мало и вредить, потому что тратится время, масса напрасныхъ волненій и нерѣдко прямой ущербъ и экономіи и гігіенѣ. Изъ-за простого незнанія, а иногда просто по капризу проваливаются иногда самые разумные проэкты, упускаются, благодаря длинной процедурѣ, самые удобные случаи для закупокъ чисто экономическимъ путемъ и улучшеній въ той или иной отрасли хозяйства. Есть смѣта, годовой отчетъ, есть ревизіонный комитетъ, есть контроль при Синодѣ. Неужели всего этого мало для правильнаго веденія хозяйства? Неужели архіереи носятъ въ себѣ и особенные дары экономическихъ и финансовыхъ познаній?

Учебно-воспитательная сторона семинарской жизни, разумѣется, должна интересоваться архіерея, но уже во всякомъ случаѣ онъ имѣетъ возможность познакомиться съ нею гораздо основательнѣе, всесторонне, если будетъ изучать ее не по бумагамъ, которыя ему представляются на утвержденіе. Личное, болѣе частое посѣщеніе семинаріи — вотъ, несомнѣнно, наилучшій способъ узнать жизнь семинаріи и дѣятельность ея учащей и воспитывающей корпораціи. Разумѣемъ не такое оффиціальное посѣщеніе, какого разъ въ годъ удостоиваетъ владыка свою семинарію въ настоящее время, а такъ сказать, запросто, не во время только уроковъ, а и въ другое время, вечеромъ, напр. Журналы же правленія надобно замѣнить протоколами, съ болѣе подробною записью хода засѣданій, такъ чтобы въ нихъ отражалась самая дѣйствительность. Журналы представляютъ собою „сочиненіе“, нѣчто совершенно искусственное. Если архіерей не имѣетъ времени посѣщать семинарію чаще, чѣмъ это дѣлается обыкновенно, то онъ могъ бы періодически прочитывать протоколы засѣданій, а затѣмъ по поводу ихъ приглашать къ себѣ или одного ректора, или всю корпорацію для домашней бесѣды или совѣщанія.—Словомъ, надобно вести дѣло „въ открытую“, совершенно искренно, а не какъ

теперь—съ укрывательствомъ, недоговариваніемъ и взаимнымъ недоверіемъ.

Въ заключеніе можно выразить пожеланіе: видѣть семинаріи наши не въ подчиненномъ только видѣ, съ разными новыми заплатами по старой матеріи, а радикально преобразованными—по духу Новаго Завѣта.

П. Н. В.
